

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

ФЕОДОСИЯ, ГЕРАКЛЕЯ и СПАРТОКИДЫ

«Это был древний эллинский город, ионийский, основанный милетцами; и упоминания о нем имеются во многих сочинениях», — говорит о Феодосии А р р и а н (PPE, 30; ср. А по н., PPE, 77 = 51). Название Феодосии встречается у многих древних авторов, но в большинстве случаев это лишь отдельные отрывочные упоминания, почти не дающие материала для воссоздания истории города. Только отдельные моменты из жизни античной Феодосии освещены литературной традицией. Эпиграфические, нумизматические и археологические источники по истории Феодосии тоже весьма фрагментарны и случайны. При таком положении вещей многие вопросы истории этого города для нас до сих пор остаются еще совершенно неясными.

Свидетельство Арриана, повторенное безыменным автором позднейшего перипла Понта Евксинского, об основании Феодосии милетцами не вызывает ни у кого сомнений. Все исследователи признают, что Феодосия как греческая колония была основана около середины VI в. до н. э.¹ Таким образом, исходный пункт истории Феодосии для нас в какой-то степени ясен. Но последующий период ее истории до начала борьбы против экспансии Спартокидов не нашел почти никакого отражения в источниках.

Имеющиеся в нашем распоряжении, правда, весьма немногочисленные, археологические и нумизматические данные позволяют установить, что во второй половине VI и в V в. до н. э. Феодосия была типичным греческим полисом², который имел весьма развитые торговые связи, главным образом с Афинами.

О значении Афин в торговом обороте Феодосии свидетельствует колоссальное количество аттической керамики, терракот и других изделий, которые были открыты при земляных работах в этом городе³. Афинское влияние можно обнаружить и в типологии автономных монет Феодосии. Нам известны только две серии феодосийских монет, которые могут быть отнесены к этому первому периоду существования города, до присоединения его к Боспорскому государству⁴. Первая из них включает серебряные монеты одного номинала, имеющие на лицевой стороне изображение безбородой головы, а на оборотной — голову быка и надпись $\odot\text{E}\Theta\Delta\text{E}\Theta$ ⁵. Фактура этих монет,

¹ С. А. Жебелев, Возникновение Боспорского государства, ИАН ОГН, 1930, № 10, стр. 811—812; он же, Боспорские этюды, ИГАИМК, 104, стр. 7; В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, 1949, стр. 22, 58, 192; Д. П. Каллистов, Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи, 1949, стр. 60.

² Очень интересна мысль С. А. Жебелева (ИАНОГН, 1930, № 10, стр. 820) о том, что в Феодосии до ее присоединения к Боспору, вероятно, существовал свой архонт.

³ Э. Р. Штерн, Феодосия и ее керамика, Одесса, 1906, стр. 33; С. А. Жебелев, Боспорские этюды, стр. 15, пр. 1.

⁴ А. Л. Бертье-Делагард (ЗООИД, XXX, стр. 52; ср. «Нум. сб.», II, стр. 72) предполагал, что все известные монеты Феодосии относятся уже ко времени ее подчинения Боспору, но мнение это безусловно ошибочно.

⁵ Х. Х. Гиль, ЗРАО, V, табл. IV, 14.

компановка типа оборотной стороны в углубленном квадрате, известная схематизация головы быка, расположение надписи вдоль обреза *quadrati incusi* — все это сближает эти феодосийские монеты с первой серией пантикапейских монет, имеющих голову барана на реверсе¹, и с монетами синдов (КСИИМК, ХХХ, стр. 115). Это позволяет нам, вслед за А. Н. Зографом, отнести первые монеты Феодосии к тому же времени, к которому относится и указанная пантикапейская серия, т. е. к последней четверти V века.

Следующей по времени серией феодосийских монет являются серебряные монеты, имеющие на лицевой стороне изображение головы Афины в круглом шлеме, а на реверсе букраний, украшенный гирляндой, и надпись $\odot\text{EO}\Delta\text{E}\Omega^2$. Ряд соображений заставляет нас относить эти монеты к рубежу V и IV вв. до н. э. Во-первых, изображение головы Афины на аверсе по стилю очень близко к изображению безбородой головы на предыдущей серии феодосийских монет и само по себе еще достаточно архаично; во-вторых, фактура оборотной стороны разбираемых монет очень напоминает фактуру реверса второй серии пантикапейских монет с головой барана: углубленный квадрат, присутствующий на первой серии феодосийских монет, уже исчез, но все поле оборотной стороны получило значительную вогнутость; в-третьих, наличие в описываемой серии очень мелкого номинала, весом 0,25 г³, показывает, что в то время, когда эта серия находилась в обращении, медная монета не употреблялась. Этот факт аналогичен тому, что известно о чеканке Пантикапея и Нимфея конца V в. Кроме того, датировка наших монет временем более поздним, чем середина IV в. до н. э., необходимо предполагала бы двухкратное изменение легенды феодосийских монет: $\odot\text{EO}\Delta\text{E}\Omega$ — $\odot\text{EO}\Delta\text{O}$ (на медных монетах середины IV в.) — и опять $\odot\text{EO}\Delta\text{E}\Omega$. Сопоставление всех указанных фактов позволяет нам признать феодосийские монеты с головой Афины и букранием современными второй серии пантикапейских монет с головой барана и датировать их гранью V и IV вв. и может быть, первыми годами IV в. до н. э.

Изображение Афины или ее атрибутов нигде более в боспорской нумизматике не встречается⁴, и самый культ Афины на Боспоре не был распространен. При таких условиях можно предположить, что этот тип феодосийских монет возник под афинским влиянием. Нужно также учесть, что Э. Р. Штегн (ук. соч., 5, 11, 33) особенно подчеркивает преобладание аттической керамики среди находок из Феодосии именно того периода, к которому относятся разобранные феодосийские монеты с головой Афины, т. е. конца V — начала IV в. до н. э. Можно думать, что Феодосия в это время прочно входила в орбиту влияния Афин, владевших соседним Нимфеем.

К моменту столкновения с боспорскими Спартокидами Феодосия, повидимому, достигла значительного процветания. Обладая прекрасной гаванью (*De th o s t., a. Lept., 33; S t r a b o, VII, 4, 4*) и, будучи выгодно расположена на краю плодородной равнины (*S t r a b o, VII, 4, 4*), она смогла развить интенсивную торговлю хлебом. Недавно Д. П. Каллистов попытался доказать, что экономическое развитие Феодосии в V в. было незначительно и что только после присоединения ее к Боспору она смогла в должной мере использовать свою гавань для развертывания хлебной торговли⁵. С этими положениями никак нельзя согласиться. Прежде всего нельзя принять утвер-

¹ Ср. ВДИ, 1949, № 1, стр. 152.

² Х. Х. Гиль, ЗРАО, V, табл. IV, 17.

³ E. M i n n s, *Scythians and Greeks*, Cambridge, 1913, стр. 559; одна такая монета есть также в собрании ГИМ, ср. П. О. Бурачков, *Общий каталог монет*, Одесса, 1884, табл. XVIII, 2, где она неправильно указана как медная.

⁴ За исключением монеты синдов, на которой изображение совы является следствием того же афинского влияния (КСИИМК, ХХХ, стр. 44), и нескольких более поздних пантикапейских и царских монет, которые воспроизводят типы александровской чеканки.

⁵ Д. П. Каллистов, *Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи*, стр. 189, 211; ср. ВДИ, 1950, № 1, стр. 33.

ждение о мнимой бедности Феодосийского некрополя и городища¹. Феодосийский некрополь исследован очень слабо, но и то, что нам известно, позволяет говорить о богатстве правящего класса Феодосии. На городище найдено большое количество дорогой привозной расписной керамики VI—V вв. до н. э.², много великолепных терракот, в том числе и архаических³, фрагменты мраморной скульптуры (ЗООИД, XXVI, стр. 203 сл.) и золотые вещи⁴. Все это говорит не о бедности, а, наоборот, о значительном расцвете города в VI—V вв. Правда, феодосийская чеканка периода автономии довольно слаба для значительного торгового города, но нужно иметь в виду, что для расчетов на внешнем рынке всеми северночерноморскими городами употреблялась не собственная монета, а международная валюта — кизикские статеры, так что отсутствие или слабость собственной чеканки еще не может служить доказательством отсутствия широкого торгового оборота. Нужды же местного рынка могли удовлетворяться и мелким боспорским серебром, которое, вероятно, имело хождение и в соседних с Боспором городах, как это показывает находка его вместе с нимфейскими монетами в эльтегенском кладе.

Географическое положение Феодосии отнюдь не было неблагоприятным, как полагает Д. П. Каллистов. Город владел прилегающей весьма плодородной равниной, о чем мы имеем неопровержимое свидетельство Страбо́на (VII, 4, 4), а для связей с производителями хлеба в крымских степях у Феодосии было не меньше возможностей, чем у Пантикапея. Только подчинение плодородных земель Прикубанья ревно подняло экспортный потенциал Боспора, но это произошло уже после присоединения Феодосии к Боспорскому государству.

Поэтому нам представляется вполне правильной мысль С. А. Жебелева о том, что Феодосия в VI—V вв. до н. э. являлась конкурирующим с Пантикапеем центром и что упорная борьба Спартокидов за овладение Феодосией в значительной степени была вызвана этой конкуренцией⁵. Сама возможность длительного и упорного сопротивления Феодосии силам Спартокидов была бы необъяснима, если бы Феодосия в это время была таким бедным и экономически слабым центром, каким представляет ее себе Д. П. Каллистов. Помощь Гераклеи Понтийской не могла, как увидим ниже, играть в это время какой-нибудь существенной роли.

Торговая конкуренция Феодосии была, вероятно, одной из основных причин, вызвавших походы против нее Сатира и Левкона; но, кроме этой причины, могли существовать и другие мотивы, толкавшие Спартокидов на попытку овладения Феодосией. Они уже указаны Д. П. Каллистовым: желание приобрести удобную гавань для оборудования там торгового порта, стремление выйти к естественным границам государства на западе, наконец, заманчивая возможность расправиться со своими политическими врагами, укрывшимися в Феодосии⁶. Впрочем, последний момент не следует переоценивать. Свидетельство анонимного перипла о том, что в Феодосии жили боспорские изгнанники (РРЕ, 77=51), слишком неопределенно, чтобы можно было строить на нем какие-либо выводы; мы не знаем, ни к какому времени относится замечание перипла, ни какого рода изгнанники проживали в Феодосии⁷, ни насколько опасны были они для правителей Боспора.

¹ Д. П. Каллистов, ук. соч., стр. 210, ср. ВДИ, 1950, № 1, стр. 33.

² Э. Р. Штерн, ук. соч., стр. 11, табл. II—III.

³ «Музей Одесского общества истории и древностей», вып. I (1897), табл. VI—X; вып. II (1898), стр. 46—47, где специально отмечается, что «товар дешевый, дюжинный здесь почти отсутствует».

⁴ Извлечения из отчета об археологических розысканиях за 1853 г., СПб., 1855, стр. 122—128, ср. ДБК, I, стр. 76—83, табл. XII-a.

⁵ С. А. Жебелев, Боспорские этюды, стр. 14—15; ср. В. Ф. Гайдукевич, ук. соч., стр. 58.

⁶ Д. П. Каллистов, ук. соч., стр. 217—218.

⁷ В. Ф. Гайдукевич (ук. соч., стр. 54—55) полагает, что это были сторонники низвергнутых Археанактидов. Д. П. Каллистов видит в них противников боспор-

Самый факт завоевания Феодосии Спартокидами и некоторые относящиеся к нему подробности надежно засвидетельствованы известиями античных авторов и надписями, но неясность и отрывочность литературной традиции вызвала в ученой литературе противоречивые мнения по целому ряду вопросов, связанных с этим событием. При таком положении вещей представляется весьма нелишним новый пересмотр всего относящегося к этому событию материала.

Прежде всего до сих пор не установлена дата присоединения Феодосии к державе Спартокидов. Одна группа исследователей датирует это событие 80-ми и даже 90-ми гг. IV в.¹, другая относит его к 50-м гг. этого столетия². Сторонники первой датировки исходят из того засвидетельствованного Г а р п о к р а т и о н о м (s. v. Θεοδοσία) и схолиями Ульпиана к Демосфену факта, что Сатир I умер при осаде Феодосии, и предполагают, что окончательное ее присоединение последовало вскоре после этого, в начале правления Левкона. Позднейшая датировка (50-е гг.) основана на попытке связать это событие с участием Мемнона в войне против Боспора (P o l y a e n., V, 44, 1). Эта повдняя датировка должна быть решительно отвергнута. Дело в том, что Мемнон, как мы увидим ниже, не мог принимать участия в борьбе Гераклеи с Боспором ранее 353 г. до н. э. Между тем уже в 355 г. Д е м о с ф е н в речи против Лептина (33) говорит о Феодосии как о владении Левкона.

Таким образом, 355 год до н. э. может рассматриваться нами, как *terminus ante quem* для присоединения Феодосии. *Terminus post quem* — год смерти Сатира — 387 г. до н. э. Но некоторые соображения позволяют нам предположительно наметить более точную дату этого события. Из этой же речи Демосфена мы узнаем, что Левкон уже успел переоборудовать и расширить порт в Феодосии и даровать в нем ателию афинянам. На перестройку феодосийского порта, доставшегося Левкону после длительной борьбы вряд ли в идеальном состоянии, нужно было некоторое время. Это заставляет нас предполагать, что к моменту произнесения Демосфеном речи против Лептина (355 г.) Левкон уже значительное время обладал Феодосией. Косвенным свидетельством в пользу ранней датировки завоевания Феодосии Левконом может служить и то обстоятельство, что в надписях Левкон всегда именуется архонтом Феодосии (IOSPE, I, №№ 6, 7, 343, 344). Вряд ли можно думать, что все дошедшие до нас надписи Левкона принадлежат только к нескольким последним годам его жизни. Известен и тот факт, что уже после присоединения Феодосии Левкон постепенно подчинил своей власти многие племена азиатской стороны Боспора — синдов, торетов, дандариев, пессов³. На это нужно было, вероятно, немало времени. Наконец, некоторые указания могут дать нам нумизматические памятники. Мы уже говорили, что феодосийская чеканка периода автономии города насчитывает только две серии серебряных монет. Вторая из этих серий должна быть датирована гранью V и IV вв. и началом IV в. до н. э. Прекращение этой феодосийской чеканки примерно в 80-х гг. IV в. скорее всего могло быть вызвано присоединением Феодосии к Боспорскому государству, подобно тому, как это имело место в Нимфее. Все эти соображения заставляют предположить, что борьба Левкона против Феодосии увенчалась успехом еще в первые годы его правления.

Сборник военных новелл Полиена и псевдо-аристотелевская «Экономика» сохранили нам сведения об участии Гераклеи Понтийской в борьбе Спартокидов и Феодосии на стороне последней. Полиен не принадлежит к числу античных авторов, безусловно заслуживающих нашего доверия, но в данном случае мы имеем большие основания считаться с его известиями, так как можно думать, что его сведения восходят к надеж-

ской централизации и приверженцев полисной автаркии (Д. П. К а л л и с т о в, ук. соч., стр. 212—213, и ВДИ, 1950, № 1, стр. 33).

¹ В. К. В и н о г р а д о в, Феодосия, 1884, стр. 15; А. Л. Б е р т ь е-Д е л а г а р д, ЗООИД, XXX, 1912, стр. 52.

² Э. Р. Ш т е р н, ук. соч., стр. 13; ср. В. Ф. Г а й д у к е в и ч, ук. соч., стр. 59, прим.

³ См. В. В. Л а т ы ш е в, Почтиж, СПб, 1907, стр. 60 сл., 77.

ному источнику эпохи эллинизма (ЗООИД, XXXII, стр. 73 сл.). Кроме того, известия Полиена косвенно могут быть подтверждены археологическим и нумизматическим материалом, о чем будет речь дальше. В рассказе Полиена о хитрости Тинниха (Strateg., V, 23) повествуется об освобождении гераклейским навархом Тиннихом Феодосии, осажденной «соседними тиранами». В других новеллах Полиена говорится о войне гераклейцев против Левкона, о высадке их на Боспоре (VI, 9,4) и об измене боспорских триерархов во время этой войны (VI, 9,3).

Большинство ученых относит все эти рассказы Полиена, равно как и заметку в псевдоаристотелевской «Экономике» (II, 2,8) об отправке Гераклеей против Боспора 40 кораблей, ко времени борьбы Феодосии со Спартокидами в 80-х гг. IV в. до н. э. и видит в Левконе, упоминаемом Полиеном, завоевателя Феодосии Левкона I¹. Однако правильность этой точки зрения в высшей степени сомнительна. Общая история Боспора говорит против нее. Та обстановка, которая сложилась, судя по рассказам Полиена, на Боспоре во время войны с Гераклеей, совершенно не характерна для времени Левкона I. Все имеющиеся в нашем распоряжении источники: литературные эпиграфические, нумизматические и археологические, говорят о времени Левкона I и Перисада I как об эпохе наивысшего расцвета Боспорского государства, эпохе наибольшей прочности власти Спартокидов, эпохе их удачной военной экспансии. Предполагать для этого времени наличие на Боспоре серьезных внешних и внутренних потрясений мы не имеем никаких оснований. Между тем в рассказах Полиена идет речь о крайне неустойчивом положении на Боспоре во время войны Левкона с Гераклеей: против Левкона составляют заговоры его же подданные и даже друзья (VI, 9,2), его армия выходит из повиновения (VI, 9,4), его навархи пытаются перейти на сторону неприятеля (VI, 9,3), финансовые затруднения заставляют его прибегнуть к перечекалке монеты и повышению ее номинальной стоимости при сохранении того же веса (VI, 9,1). Сам Левкон в этих рассказах выступает отнюдь не в благоприятном свете он производит мошеннические финансовые операции, хитростью и обманом завлекает в западню подозреваемых военачальников и т. п. Все это совершенно не вяжется с тем представлением о расцвете Боспора и об устойчивости власти Спартокидов в эпоху Левкона I и Перисада I, которое мы получаем из обозрения всех остальных источников. К Левкону I во всяком случае не может быть отнесен рассказ Полиена о перечекалке монеты (VI, 9,1). В IV в. перечекалка монеты на Боспоре совершенно не применялась. Зато в течение большей части III в. на Боспоре наблюдается жесточайший денежный кризис, действительно сопровождающийся многократными перечеканками и надчеканками медных монет. Образ Левкона у Полиена резко противоречит всему тому, что передают о Левконе I другие античные писатели, восхваляющие его как образец добродетельного властителя². Все это говорит как будто бы не в пользу отождествления полиеновского Левкона с Левконом I. Наоборот, все события, сообщаемые Полиеном, вполне уместны в середине III в., при Левконе II, когда Боспорское государство находилось в состоянии жестокого экономического кризиса, нашедшего такое яркое отражение в пантикапейской чеканке этого времени. Вероятно, о том же Левконе II сохранили нам сведения Афины (VI, 71), Овидий (Ibis, 309) и его схолиасты (310). Последние сообщают и о внутренней борьбе в самой семье Спартокидов, вероятно, явившейся следствием тех экономических и политических затруднений, о которых мы только что говорили и которые, очевидно, нашли отражение в новеллах Полиена.

¹ Э. Р. Штерн, ук. соч., стр. 9—10; В. В. Латышев, Повстхá, стр. 77, 79; С. А. Жебелев, Боспорские этюды, стр. 15—16; В. Ф. Гайдукевич, ук. соч., стр. 58—59, 498; Д. П. Каллистов, ук. соч., стр. 213; М. И. Ростовцев в одной из своих статей («Амага и Тиргата», ЗООИД, XXXII, стр. 68 сл.) выдвинул иное предположение, но затем от него отказался («Скифия и Боспор», стр. 135).

² Plut., de stoic. rep., 20; Strabo, VII, 4, 4; Dio Chrys., Or. II, 77; Aineus, Comm. poliorc., V, 2.

Недавно этот вопрос был рассмотрен совсем с другой стороны В. П. Дзагуровой. В своей диссертации, посвященной истории Гераклеи Понтийской, она, исходя из данных гераклейской истории, утверждает, что посылка на Боспор большого флота, о котором говорят Полиен (VI, 9, 4) и Псевдо-Аристотель (Оекоп., II, 2, 8), была в начале IV в. не под силу Гераклее, не имевшей тогда еще значительного флота и наемного войска и занятой напряженной борьбой за овладение Мариандинией. Однако она считает возможным относить ко времени Левкона I рассказ о помощи Тинниха Феодосии, различая, таким образом, в борьбе Гераклеи против Спартокидов два равно-временных эпизода. Такое решение вопроса представляется нам наиболее правильным. Внимательное рассмотрение свидетельств Полиена приводит к убеждению, что не все события, им описанные, относятся к одному времени. В рассказах о хитростях Левкона (VI, 9, 3—4) говорится о большой войне Левкона с Гераклеей. Гераклеяцы выступают против Левкона многочисленным флотом (*υπὲρ πολλὰς*) и высаживаются на боспорской территории, где им заблагорассудится. Левкон тоже обладает не только сухопутными войсками, но и флотом, с многочисленными триерархами во главе. Очевидно, к этой же войне относится и заметка у Псевдо-Аристотеля о посылке Гераклеей против Боспора 40 кораблей. Эта война и должна быть отнесена, согласно выше-приведенным аргументам, ко времени Левкона II, т. е. к середине III в. до н. э. или к началу второй его половины.

Совершенно иную ситуацию предполагает рассказ Полиена о хитрости Тинниха (V, 23). Из рассказа видно, что гераклеоты могут послать на помощь осажденной Феодосии только одну триеру в сопровождении торгового судна и совсем незначительное количество войск. Мы не разделяем мнения В. П. Дзагуровой о том, что здесь имела место только продовольственная помощь Феодосии со стороны Гераклеи: рассказ Полиена ясно свидетельствует о намерении Тинниха освободить Феодосию от осады, а не провезти туда продовольствие. Но во всяком случае здесь и речи быть не может о тех широких военных операциях, которые проводили гераклеоты против Левкона II. Из рассказа явствует также, что и боспорский правитель, осаждавший Феодосию, не имел флота, иначе он, конечно, блокировал бы город с моря и воспрепятствовал бы выполнению Тиннихом его задачи. Между тем о Левконе II Полиен рассказывает, как мы видели, что у него было много триерархов. Совершенно ясно, что речь идет здесь о разных эпохах и что эпизод с Тиннихом нельзя относить ко времени Левкона II. Этот эпизод датируется всеми исследователями временем осады Феодосии Сатиром I или Левконом I, т. е. 80-ми годами IV в. до н. э. Таким образом, борьба Гераклеи против Спартокидов является не случайным эпизодом, а политическим курсом, которого придерживаются в Гераклее около полутора столетий.

При таких условиях мы вправе ожидать, что и в промежутке между двумя выше-описанными столкновениями Гераклеи и Боспора могли иметь место враждебные действия гераклеотов против Боспора. И действительно, у того же Полиена имеются сведения еще об одном эпизоде, вероятно, имеющем отношение к этой борьбе. Полиен рассказывает о хитрости Мемнона, которую тот применил во время войны с Левконом для того, чтобы узнать о количестве населения на Боспоре (Strateg., V, 44, 1). Речь идет о Мемноне Родосском, известном полководце IV в. О его борьбе против Боспора неизвестно ничего, кроме сведений, сообщаемых в краткой заметке у Полиена. Единственным вероятным объяснением этой борьбы является предположение об участии Мемнона в войне Гераклеи против Спартокидов, поскольку ни о каких других войнах на Боспоре, в которых Мемнон мог бы принимать участие, нам неизвестно. Но каким временем следует датировать эту войну? Брандис, Штерн и другие датируют ее примерно 355 г. до н. э., но Мемнон до 353 г. находился на службе у своего шурина Артабазы и не мог бы принять участия в такой войне. В 353 г. он должен был вместе с Артабазом уйти в изгнание и нашел приют у Филиппа II Македонского; только в 342 г. он получил от персидского царя разрешение вернуться в Малую Азию (RE, XXIX, 652). На этот-то период изгнания и должна падать его участие в войне Гераклеи против Боспора. Таким образом, эта война может быть датирована временем с 353 г. до смерти Левкона I в 347 г.

Вот все те сведения о борьбе Гераклеи против Спартокидов, которые мы можем почерпнуть из литературных источников. Если эти сведения и недостаточны для выяснения всех перипетий этой борьбы, то все же они ясно показывают, что Гераклея в течение продолжительного времени являлась иногда потенциальным, а иногда и открытым врагом державы Спартокидов, что ее интересы толкали ее на неоднократные враждебные выступления против Боспора. Каковы были эти интересы, мы можем только догадываться. Вероятно, основной причиной враждебности гераклеотов к Спартокидам было опасение за судьбу своей собственной колонии — Херсонеса, которому угрожало все возрастающее могущество державы Спартокидов и особенно ее территориальная экспансия на западе — в сторону Феодосии¹. Но возможно, что у Гераклеи были какие-то интересы и в азиатской части Боспора, об этом заставляет думать заимствование гераклейских монетных типов синдами и Фанагорией еще в конце V и самом начале IV в. до н. э.²

Нам остается выяснить, какую позицию занимала Феодосия во всех этих столкновениях Гераклеи с правителями Боспора. В дореволюционной литературе было широко распространено мнение о том, что Феодосия в составе Боспорского государства находилась на особом положении по сравнению с другими городами и пользовалась известной автономией³. Это мнение основывается на двух фактах, ошибочно интерпретируемых: на упоминании Феодосии в титуле Спартокидов и на эпизодической чеканке Феодосией монеты в IV и III вв.

Употребление в титулатуре Спартокидов выражения «архонт Боспора и Феодосии» не может, по нашему мнению, указывать на какое-либо привилегированное положение Феодосии среди боспорских городов. Поскольку Спартокиды называли себя архонтами по отношению ко всем греческим городам, объединяемым понятием «Боспора», нет ничего удивительного и в том, что по отношению к Феодосии они приняли тот же титул. Когда в III в. до н. э. титул басилевса начинает применяться не только к туземным племенам, но и к греческим городам Боспора, Феодосия не составляет в этом отношении исключения. Что же касается отдельного упоминания Феодосии, единственной из городов Боспора, в титулатуре, то оно объясняется, вероятно, тем, что Феодосия, присоединенная к Боспорскому царству сравнительно поздно, была завоевана с большим трудом: завоевание ее потребовало напряженных усилий со стороны двух выдающихся представителей династии Спартокидов. Совершенно понятно, что, добившись, наконец, ее присоединения, «архонты Боспора» захотели именоваться «архонтами Боспора и Феодосии». Таким образом, титулатура Спартокидов свидетельствует не о мнимой автономии Феодосии, а о том значении, которое придавали сами правители Боспора ее завоеванию⁴.

Д. П. Каллистов полагает, что в титулатуру механически включались все вновь присоединяемые к Боспору области, не вошедшие с самого начала в состав государства (ук. соч., стр. 174). Но этому противоречит пример Нимфея: он безусловно не входил в основную территорию Боспора, а был присоединен позднее, но все же не удостоился быть названным в титуле Спартокидов. Это лишний раз подтверждает нашу мысль о том, что Феодосия являлась еще до присоединения к Боспору значительным экономическим центром и что сами Спартокиды сознавали разницу между подчинением этой могущественной соперницы и захватом мелких прибрежных городков.

Мы уже видели, что ранняя серебряная чеканка Феодосии прерывается в начале

¹ С. А. Жебелев, Боспорские этюды, стр. 16; В. Ф. Гайдукевич, ук. соч., стр. 58.

² КСИИМК, XXX, 1949, стр. 112.

³ В. К. Виноградов, Феодосия, стр. 15 сл.; Э. Р. Штерн, ук. соч., стр. 15; А. Л. Бертье-Делагард, ЗООИД, XXX, стр. 52; E. Minns, ук. соч., стр. 557.

⁴ Ср. Э. Р. Штерн, ук. соч., стр. 10; С. А. Жебелев, ИАН ОГН, 1930, № 10, стр. 812; В. Ф. Гайдукевич, ук. соч., стр. 59.

IV в. до н. э., вероятно, в связи с присоединением этого города к Боспорской державе Левкона I. Однако на этом история монетного дела Феодосии не прекращается совершенно. Нам известны еще три типа монет, принадлежащих этому городу и выпущенных, несомненно, уже после присоединения его к Боспорскому государству. Эти-то монеты и дали основание А. Л. Бертье-Делагарду и другим говорить о значительной автономии Феодосии в системе Боспорского государства. Действительно, в то время, к которому относятся эти феодосийские монеты, — в IV и в половине III в. до н. э., ни один другой боспорский город, кроме Пантикапея, своей монеты не чеканит. Но для того, чтобы представить себе условия и значение феодосийской чеканки, нужно рассмотреть самые монеты, послужившие поводом для предположения о феодосийской автономии.

Прежде всего укажем на серию медных монет одного номинала, имеющих на лицевой стороне изображение безбородой головы, а на оборотной — фигуру бодающего быка и под ним надпись $\odot\text{E}\odot\text{A}\odot$ ¹. Безбородая голова на аверсе не поддается определению; она, может быть, принадлежит тому же герою или богу, голову которого мы уже встречали на первых серебряных феодосийских монетах. А. Н. Зограф, ссылаясь на аналогии с монетами Херсонеса и Тиря, датирует эту серию феодосийской меди серединой IV в. до н. э. Другая серия медных монет Феодосии относится к гораздо более позднему времени. Эти монеты имеют на лицевой стороне изображение головы Афины в коринфском шлеме, а на обороте — лук в горите, палица и надпись $\odot\text{E}\Upsilon$ ². Датировка этих монет временем Левкона II (примерно середина III в. до н. э. или начало второй половины этого столетия) не может вызывать сомнений, поскольку тип лицевой стороны их находит себе полную аналогию в первых выпусках царской меди — в медных монетах этого правителя. Вероятно, к этому же времени принадлежит и единственная серебряная монета, на лицевой стороне которой помещено изображение головы Геракла, а на оборотной — палица и надпись $\odot\text{E}\Upsilon\text{A}\odot$ ³. А. Л. Бертье-Делагард относит эту монету еще к IV в. до н. э.⁴, но стиль монеты говорит о более поздней ее датировке. К сожалению, эта монета дошла до нас в единственном экземпляре весьма неудовлетворительной сохранности; все же некоторые признаки стиля и фактуры позволяют относить ее к тому же времени, к которому относится и только что разобранная вторая серия феодосийской меди.

Мы перечислили все нумизматические памятники Феодосии, которые могут быть отнесены ко времени принадлежности этого города державе Спартокидов. Внимательное рассмотрение всей этой феодосийской чеканки приводит к убеждению об ошибочности взгляда на феодосийские монеты как результат автономии города в пределах Боспорского государства. Против этого взгляда прежде всего говорит сама эпизодичность чеканки. Выпуск феодосийской монеты, как мы видели, после подчинения Феодосии Боспору возобновляется дважды, каждый раз на очень короткий срок (количество известных нам монет каждого типа крайне незначительно, они встречаются буквально единицами). Иметь какое-нибудь практическое хозяйственное значение эти кратковременные и количество чрезвычайно слабые выпуски медных монет, при условии обращения на Боспоре, и в частности в Феодосии, огромных масс пантикапейской меди⁵, конечно, не могли. Эта чеканка могла иметь при таких условиях лишь характер символического подтверждения известной самостоятельности города по отношению к Спартокидам. Но и это не объясняет нам, почему Феодосия не чеканила монету постоянно, почему перерывы между отдельными выпусками ее монеты достигали 100 лет, а сами выпуски были так кратковременны. Предполагать, что право

¹ Х. Х. Гиль, ЗРАО, V, табл. IV, 15.

² Х. Х. Гиль, ЗРАО, V, табл. IV, 16.

³ А. Л. Бертье-Делагард, Монетные новости древних городов Тавриды, ЗООИД, XXX, табл. I, 10.

⁴ Там же, стр. 52; «Нум. сб.», II, стр. 72, № 49.

⁵ См. о находках пантикапейских монет в Феодосии у Э. Р. Штерн, ук. соч., стр. 90.

чеканки давалось ей временно, а потом опять отбиралось центральной властью, — очень трудно.

Далее, обращает на себя внимание время, когда производится выпуск феодосийской монеты. Два раза пытается Феодосия чеканить свою монету — в середине IV в. и около середины III в. до н. э., во время правления на Боспоре Левкона II. Оба раза эта чеканка совпадает по времени с теми столкновениями Боспора и Гераклеи, о которых мы говорили выше. Такое совпадение невозможно считать случайным. Оно наводит на предположение, что феодосийская чеканка вызвана к жизни не правами автономии, которыми якобы пользовалась Феодосия в государстве Спартокидов, а попытками этого города проявлять самостоятельность в моменты, наиболее критические для Боспора, вызванные войной с гераклеотами. Это предположение устраняет все недомыслия относительно эпизодического характера феодосийской чеканки. Анализ типов феодосийских монет подтверждает это предположение.

Выше мы говорили о первой серии феодосийской меди, относящейся к середине IV в. Реверсный тип этих монет — бодающий бык — совершенно подобен аналогичному мотиву на монетах Херсонеса и Гераклеи Понтийской. Тип бодающего быка применялся в гераклейской нумизматике первой половины IV в.¹ Херсонесские монеты с подобными же типами относятся ко второй четверти IV в., а та серия их (с профильной головой Девы), которая по трактовке ближе всего подходит к феодосийским монетам, датируется серединой IV в. Этим определяется время феодосийской чеканки. Если наше предположение о борьбе Гераклеи Понтийской в середине IV в. против Левкона I, отразившейся в рассказе Полиена о хитрости Мемнона, правильно, то вряд ли случайным является то обстоятельство, что именно в это время Феодосия после длительного перерыва вновь начинает чеканить монету и притом с гераклейско-херсонесскими типами. Вероятно, Феодосия не осталась равнодушной к этой борьбе и попыталась воспользоваться ею для своего освобождения от власти Спартокидов, если только самая война Гераклеи с Боспором не возникла опять по поводу Феодосии. Выпуск собственной монеты с гераклейскими типами и должен был символизировать восстановление полисной автаркии. Попытка Феодосии отложиться от Боспора успеха не имела, она была вынуждена вновь признать верховную власть Левкона I и отказаться от самостоятельной чеканки монеты. Этим и объясняется, повидимому, кратковременность самой этой чеканки.

Аналогичное положение наблюдаем мы и столетием позже, в середине III в. до н. э., когда Феодосия, воспользовавшись затруднительным положением Левкона II в войне с Гераклеей, опять предпринимает чеканку своей монеты, уже не только медной, но и серебряной. На этот раз лицевой тип медных монет — голова Афины — был заимствован феодосийскими монетными мастерами с монет Левкона II. Однако это заимствование не может препятствовать нашему предположению об антибоспорской направленности этого выпуска: во-первых, изображение Афины никак не было связано с самим Левконом и на его монетах тоже является заимствованием со статеров александровского типа; во-вторых, голова Афины в качестве монетного типа не являлась, как мы видели, новостью в Феодосии, и уже одно изображение этой головы на монетах служило напоминанием об автономном периоде ее истории. Наоборот, тип оборотной стороны монет Левкона II — личный знак самого боспорского царя, символ его власти — молнию, феодосийские мастера не воспроизводят на своих монетах, а заменяют его своим типом — палицей и луком в горите, а вместо имени Левкона помещают сокращенное название своего города $\odot EY$. Типы единственной феодосийской серебряной монеты, относящейся к этому же времени, не противоречат попытке толковать и этот выпуск как антибоспорский, поскольку голова Геракла, украшающая лицевую сторону этой монеты, является основным монетным типом Гераклеи Понтийской, а изображенная на реверсе палица так же часто встречается на монетах Гераклеи и Херсонеса, как и на гераклейских амфорных клеймах.

¹ W. Waddington, E. Babelon, Th. Reinach, Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure, Paris, 1908, т. I, 2, стр. 346, табл. LV, 5—7.

Если в своей борьбе против Спартокидов Феодосия неизменно опиралась на поддержку Гераклеи Понтийской, мы вправе ожидать, что связи Феодосии с Гераклеей должны были быть особенно прочными. И действительно, отражение этих связей мы можем найти и в литературной традиции, и в археологическом материале. Рассказывая об осаде Гераклеи Понтийской М. Аврелием Коттою в 72—70 гг. до н. э., Мемнон говорит: «снова было отправлено посольство к херсонесцам в Скифии, к феодосийцам и к властителям Боспора с просьбой о помощи» (M e m n., XVI, 49, 4). Это замечание в высшей степени знаменательно. В тяжелый для себя момент гераклеяцы обращаются за помощью не только к своей колонии—Херсонесу, но и к Феодосии. Из всех боспорских городов только в Феодосию было послано специальное посольство, отдельно от посольства к боспорским властям. Скорее всего это посольство может быть объяснено теми длительными и прочными связями, которые существовали между Гераклеей и Феодосией в течение нескольких веков¹. Эти вековые связи прослеживаются и на археологическом материале. Среди клейменных амфор, встречающихся в Северном Причерноморье, существует группа, гераклеяское происхождение которой убедительно доказал Б. Н. Граков². Амфоры эти датируются IV—III вв. до н. э. и в раннеэллинистическую эпоху составляют, наряду с фасосскими, основную категорию импортной керамической тары. Они встречаются в самых различных пунктах Северного Причерноморья, но в Феодосии находки их попадаются относительно чаще, чем в других городах. В Феодосийском музее высокий процент гераклеяских амфор среди других типов керамической тары бросается в глаза³. Из 514 амфорных клейм, найденных в Феодосии, Гераклее принадлежат 69, или около 13,5%⁴. Хотя число гераклеяских клейм и в Феодосии значительно уступает количеству клейм Родоса, Синопы или Фасоса, все же оно достигает здесь наиболее высокого процента по сравнению с другими центрами Северного Причерноморья, где отношение числа гераклеяских клейм к числу остальных примерно в 3—4 раза меньше. Как бы приблизительны ни были эти подсчеты, они все же, несомненно, отражают тот факт, что гераклеяский импорт в Феодосии занимал особое место. Феодосия в IV—III вв., уже после присоединения ее к державе Спартокидов, продолжала вести, насколько это было возможно, самостоятельную торговую политику и была теснее связана с Гераклеей Понтийской, чем другие города Северного Причерноморья (за исключением, конечно, Херсонеса). Таким образом, можно думать, что длительные политические связи между Феодосией и Гераклеей, прослеженные выше, базировались на реальных торговых интересах обоих городов. Феодосийцы стремились использовать эти интересы для борьбы против Спартокидов и для восстановления своей независимости: они пытались, опираясь на помощь Гераклеи, в благоприятный момент отложиться от Боспора. Именно в этот период Феодосия и чеканит свою монету. Таким образом, эта эпизодическая феодосийская чеканка не является признаком мнимой самостоятельности Феодосии в системе Боспорского государства, санкционированной Спартокидами, как это обычно думают,

¹ Объяснять это посольство автономным положением Феодосии в Боспорском государстве (см. ВДИ, 1948, № 1, стр. 235, прим. 5) совершенно невозможно: такая широкая автономия, позволявшая Феодосии вести самостоятельную внешнюю политику, невероятна в эпоху владычества на Боспоре Митридата Евпатора.

² Б. Н. Г р а к о в, Английские клейма на горлах некоторых эллинистических остродонных амфор, «Труды ГИМ», вып. I, 1926; ср. И. Б. З е е с т, О типах гераклеяских амфор, КСИМК, XXVII (1949).

³ Эти сведения любезно сообщила нам И. Б. Зеест. Очень любопытно также ее сообщение о частых находках гераклеяских амфор в районе Анапы: они могут быть сопоставлены с уже отмечавшимся выше влиянием гераклеяской нумизматики на монетное дело азиатского Боспора.

⁴ Эти цифры получены путем подсчета всех находок амфорных клейм в Северном Причерноморье по основной части рукописи III тома IOSPE, составленной Е. М. Придиком и подготовляемой к печати Институтом истории материальной культуры АН СССР.

а, наоборот, служит свидетельством ее непокорности и стремления к автаркии. Не потому ли Феодосия и не получила права чеканки собственной монеты во II в. до н. э., когда это право приобрели и Фанагория, и Горгиппия?

Д. Б. Шелов

ЧЕРТЫ СВОЕОБРАЗИЯ АРМЯНСКОГО ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ТЕАТРА

О том, что в Армении в I в. до н. э. существовал театр, известно из трудов Плутарха (Лус., XXIX; М. Grass, 33). Но до настоящего времени слова Плутарха воспринимались только как сообщение о захвативших в Армению бродячих греческих актерах, которые со времен походов Александра Македонского проникли далеко на Восток. Вопреки общепринятому мнению, я позволю себе утверждать, что описанная Плутархом оригинальная постановка трагедии Еврипида на берегах Аракса была одним из первых достоверно известных спектаклей старейшего театра народов СССР, а не греческого театра, приехавшего на гастроли ко двору армянского царя.

В I в. до н. э. в Армении уже существовал армянский эллинистический театр. Его возникновение не было случайным, это был результат процесса развития культуры в странах Переднего и Среднего Востока. Изучение театра древней Армении дает материал, который может привлечь внимание не только искусствоведов¹, но и историков. В настоящей статье я хочу осветить вопрос об армянском театре как явлении армянской культуры эллинистического периода.

Неожиданно напав на Армению, римские легионы Лукулла 6 октября 69 г. до н. э. подошли к южной столице Армении — Тигранакерту. Ворвавшись в город после сравнительно недолгой осады, римский полководец увидел, что «в столице находится очень много актеров, которых Тигран выписал отовсюду для освящения построенного им театра. Лукулл воспользовался их услугами при играх и театральных представлениях во время победного торжества» (Plut., Лусс. 14—15). Из этого сообщения Плутарха видно, что театр был построен незадолго до начала осады Тигранакерты римлянами, потому что большое количество актеров, выписанных «отовсюду для освящения построенного им (Тиграном) театра», еще находились в городе. Таким образом, можно принять 69 г. до н. э. как дату окончания постройки первого известного нам здания театра в Армении.

Какого типа было здание тигранакертского театра? Несомненно, греческого образца, по той простой причине, что первый постоянный театр в Риме был построен Помпеем лишь в 55 г. до н. э., т. е. на 14 лет позднее тигранакертского. Иначе дело обстояло с эллинистическими театрами. В ряде городов юго-запада Малой Азии к моменту их завоевания Тиграном уже давно существовали роскошно построенные театры. Раскопки последнего столетия открыли нам в различных районах Малой Азии более десятка сравнительно хорошо сохранившихся остатков грандиозных зданий античных театров. Можно представить себе, каков был театр Тигранакерта. Ведь этот театр был построен в тот период, когда Тигран находился в зените могущества и славы, когда он располагал десятками тысяч рук опытейших строителей из греческих колоний средиземноморского побережья, в частности из Киликии, где было немало греческих театров. Вспомним сообщение Страбона о том, что, строя Тигранакерт, Тигран «поселил в нем жителей двенадцати [I] эллинских городов, им же разоренных» (I, 14—15). Создав менее чем за какой-нибудь десяток лет (с 77 по 69 год до н. э.) город с населением в 300 000 жителей, город, который должен был затмить столицу низ-

¹ Георг Г о я н, Эллинистический и средневековый театр Армении по памятникам материальной культуры и древним текстам, Гос. Эрмитаж, 1949 (автореферат первых двух томов подготовляемой к печати работы «2000 лет армянского театра»).